

УДК 259; 908

ПРИХОДЫ ВОСТОЧНО-УКРАИНСКИХ ЕПАРХИЙ В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1958–1965 ГОДАХ (по материалам отчетов уполномоченных по делам РПЦ)

Н. П. Годлевский (иеромонах Алексий)

Московская Сретенская духовная семинария
E-mail: Nik.godlevsky@yandex.ru

Статья представляет собой анализ государственной политики по отношению к приходам восточно-украинских епархий в 1958–1965 гг. Особое внимание уделено отчетно-информационным докладом и докладным запискам уполномоченных по делам Русской православной церкви в областях Восточной Украины. Делается вывод об определяющей роли субъективных факторов в диалоге Церкви и государства.

Ключевые слова: Русская православная церковь, история церкви, приходское духовенство, оттепель, Восточная Украина.

Parishes of the East-Ukrainian Dioceses in the System of Church-State Relations in 1958–1965 (Based on the Materials of the Reports Made by Commissioners for Affairs of the Russian Orthodox Church)

N. P. Godlevskiy (hieromonk Alexey)

The article is an analysis of state policy concerning the parishes of the East-Ukrainian dioceses in 1958–1965. Particular attention is paid to the returns, memoranda and reports of the Commissioners for affairs of the Russian Orthodox Church in the regions of Eastern Ukraine. The conclusion about the determinative role of subjective factors in the dialogue between the Church and the State is made.

Key words: Russian Orthodox Church, church history, parish clergy, The Thaw, Eastern Ukraine.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-315-320

К середине 1950-х гг. религиозная жизнь в СССР возрождалась. По некоторым данным, к 1958 г. количество православных приходов превышало 13 тыс., паства Русской православной церкви составляла около 60 млн прихожан¹. Шагом на пути развертывания антицерковной кампании стала записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 19 апреля 1958 г., в которой содержалась резкая критика в адрес Советов по делам Русской православной церкви и по делам религиозных культов. Воплощение в жизнь партийных указаний проводилось на местах с разной степенью последовательности. При всей важности изучения государственной политики в отношении православной церкви на уровне союзного центра нельзя упускать из вида региональный уровень. В этом отношении примечательна территория Восточной Украины, которая отличалась преобладанием русскоязычного на-

селения. Этноконфессиональная идентификация здесь была тесно связана с православием. К 1958 г. восточные области УССР состояли из следующих епархий: Ворошиловградско-Сталинской (переименованной в 1961 г. в Ворошиловградско-Донецкую), Харьковской и Днепропетровско-Запорожской.

Проблема хрущевской антицерковной кампании в УССР и восточной её части привлекает внимание всё большего числа авторов – как российских, так и украинских. Однако все эти работы отличаются высоким уровнем обобщения и политизированности дискуссий². Более того, исследователи ограниченно привлекали неопубликованные источники, столь важные для изучения истории церкви в СССР. Важной работой здесь представляется исследование А. Н. Шлихты, посвященное роли православных праздников в общественной жизни УССР в условиях антирелигиозной борьбы³.

Между тем Государственный архив РФ (далее – ГАРФ) содержит в своих фондах интересные материалы по изучаемой теме. Среди них – отчетно-информационные доклады и докладные записки уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) при Совете министров СССР. Эти источники позволяют выявить особенности государственной политики по отношению к церкви на местах – на уровне приходов. В отличие от доктринальных партийных документов, обозначенные источники освещают практику, а не воображаемую реальность.

Местные уполномоченные приняли к сведению критику в свой адрес, и информация о фактах нарушения законодательства стала оперативно поступать в вышестоящие органы. В Ворошиловградской епархии Я. Днепропетровским было обнаружено три случая самовольного строительства зданий для молитвенных целей: «В селе Ляшковке Царичанского района в 1958 году в поселке Краснополье нелегально на подставное лицо строили здание для молитвенных целей. Строил церковь староста Кишинский, якобы для своего сына на церковные деньги. На строительство было затрачено 57 тысяч церковных денег. В городе Кривом Роге в пос. Зеленый городок церковная община в 1952 году купила дом для молитвенных целей площадью 24 кв.м и на месте купленной постройки построила в том же году шлаколитое здание площадью 105 кв. м»⁴.

Происходили и поистине курьезные случаи, которые подтверждают, что население и пред-

ставители местной власти могли сочувствовать проблемам приходского духовенства: «В селе Мало-Михайловка Васильковского района во время ремонта крыши алтаря в качестве кровельного материала было использовано 19 оцинкованных корыт... еще осенью 1957 года, во время ремонта крыши, церковный староста зашел в местный магазин “Сельпо” и спросил, можно ли купить корыто для покрытия крыши молитвенного дома. Заведующий магазином, вместо того чтобы отказать в этом, потому что корыта предназначены для бытовых нужд населения, а не для кровли, охотно продал все имеющиеся в наличии – 19 корыт, и при этом сказал, что, если не хватит, можно еще взять сколько понадобится – на базе корыт много. Когда церковный староста подъехал забрать купленный товар, то находившийся в это время в магазине председатель сельского Совета, вместо того чтобы предотвратить это ненормальное явление, помог церковному старосте выносить закупленные корыта для кровли. Больше корыт не стали покупать, потому что для покрытия крыши алтаря молитвенного дома хватило закупленных 19-ти корыт. По этому случаю мною информированы обком и облисполком»⁵.

Главным церковно-юридическим документом, регламентировавшим внутреннюю жизнь Московской патриархии, было «Положение об управлении Русской православной церковью», принятое Поместным Собором 31 января 1945 г. Вопреки действующему законодательству, Положение передавало руководство приходской жизнью, в том числе финансово-хозяйственной, в руки священника-настоятеля, а не общины мирян, объединенных в религиозное общество. 13 января 1960 г. ЦК КПСС издал секретное постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах», которое требовало отмены «узурпации власти» духовенством на приходах и возвращения ее мирянам в соответствии с законом. Мирянам предписывалось «распоряжаться всем церковным имуществом и ведать наймом служителей культа».

Однако работа по отстранению духовенства от руководства приходами началась гораздо раньше. Так, харьковский уполномоченный сообщал руководству о том, что в епархии идет работа по отстранению священников от руководства общинами, причем эта работа вызывает большое количество конфликтов (39 заявлений против 9 за первое полугодие 1957 г.)⁶. В общине г. Купянска разгорелась настоящая борьба между сторонниками и противниками священника, а завершилось всё тем, что противники последнего повесили свой замок на дверь церкви и священник несколько дней не служил. Во главе противников священника находился некий пенсионер Дмитренко, бывший шахтер, выступивший за отстранение священнослужителя от финансовых дел общины. После того как Дмитренко вышел на пенсию и поселился в Купянске, он добился

избрания председателем исполнительного совета церкви и, как писал уполномоченный, «взялся за наведение порядка в общине». Правда, уполномоченный выражал понятное беспокойство тем, что если внутренняя борьба первоначально ослабляла общину, то затягивание конфликта было чревато втягиванием в дела церкви верующих, обычно пассивных людей, и могла «привести к укреплению общины»⁷.

После Архиерейского Собора 1961 г. во всех религиозных общинах были проведены выборы в «двадцатки» и исполнительные органы приходов. Местные органы власти вместе с уполномоченными Советов пересматривали их составы, используя свои права по отводу неугодных власти членов и подбору «лояльных» на должности старост и казначеев. В Донецкой области только за год это привело к перевыборам исполнительных органов в 25 приходах, «в результате чего, – докладывал уполномоченный, – были изгнаны любители к церковным деньгам и всякого рода жулики и религиозные фанатики. В отдельных приходах исполнительные органы отчислили ненавистных для них служителей культа, которые нарушили советское законодательство»⁸.

Отличительной чертой исполнительных органов, призванных к руководству общинами, был начальный и средний уровень профессионального образования и преклонный возраст их членов. В той же Донецкой области насчитывалось в составе церковных Советов и ревкомиссий 105 приходов области 600 человек, из них мужчин – 395 и женщин – 175, в том числе работающих – 200 человек, пенсионеров – 250 человек и домохозяйек – 130 человек. Иногда в исполнительные советы попадали достаточно авторитетные и заслуженные люди. Как докладывал уполномоченный, «общее число членов исполнительных органов, награжденных правительственными наградами (орденами и медалями), – 39 человек»⁹.

Общий итог этих перевыборов осветил специально отправленный на Украину инспектор Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Исаев: «50% членов “двадцаток” и церковных исполнительных органов составляют пенсионеры, которые активно берутся за восстановление порядка в церкви. Уполномоченный Совета при перерегистрации членов религиозных общин и при предоставлении списков членов “двадцаток” выявлял пенсионеров, и списки препровождал в местные органы власти для проведения соответствующей с ними работы по отрыву от исполнительных органов. Руководство районов такие списки имело, но привести положительный отчет по отрыву пенсионеров не представлялось возможным. Считаю, что по этому вопросу еще недостаточно ведется работа на месте»¹⁰.

В 1963 г. такие «положительные факты» уже были собраны. Так, исполнительный орган религиозной общины Николо-Преображенской церкви г. Луганска характеризовался местным

уполномоченным в самых хвалебных выражениях. Исполнительный орган не только состоял всего из трех пенсионеров, самому младшему из которых было 64 года, но и все они имели только начальное образование. Исполнительный орган, возглавлявший самый крупный приход в области, «ликвидировал попрошайничество “нищих” в пределах церковной ограды, провел работу с верующими по прекращению посещаемости церкви детьми, подростками, не допускал случаев нарушения законодательства о культах»¹¹.

Наиболее активные священники, не желавшие мириться со своим наемническим положением, предпринимали попытки вернуть себе власть в приходах. Некоторые из них пытались воздействовать на верующих из числа своих сторонников с тем, чтобы они избирали новых старост; некоторые предлагали свою помощь в налаживании работы исполнительного органа или в упорядочивании бухгалтерского учета, тем более что нередко члены исполнительных органов не умели выполнять простые виды работ, необходимых для управления приходом.

Реакция уполномоченных на это была понятной: «хитрые хищники пробираются к руководству церковью путем сговора с одним из наиболее влиятельных членов исполнительного органа... священник прихода села Нижне-Теплое Станично-Луганского района, Е. К. Алимов, потребовал от председателя исполнительного органа Миронова согласовывать с ним все вопросы руководства делами церкви»¹².

В приходах вводился принцип добровольности отчислений в епархиальное управление. Каждой общине предоставлялось право самостоятельно решать, какую сумму она считает нужным перечислить на общецерковные нужды. Когда церковным советам стало известно о добровольном внесении средств, количество отчислений в епархии резко сократилось. В то же время едва ли не обязательным становится отчисление немалых денежных сумм в советский Фонд мира. Так, в Донецкой области в 1961 г. в епархию было внесено 385 489 руб., в 1963 г. – 341 406 руб., а в Фонд мира было перечислено 48 100 руб. «Церковные советы проявили активность в сокращение взносов на епархиальные нужды, одновременно часть сбережений с желанием перечислили в Фонд мира... Надо полагать, – надеялся уполномоченный, – что в 1963 году эти суммы резко увеличатся»¹³.

Еще одним результатом государственной политики стало массовое закрытие храмов в 1961–1964 гг. Уполномоченные, выполняя программу сокращения церковной структуры, широко применяли практику искусственного создания «затухающих приходов». Основной причиной снятия с регистрации приходов были неполные «двадцатки» либо отсутствие священника. Здесь уполномоченным было в чем отчитываться. Так, уполномоченный по Днепропетровской области писал: «Я принимаю меры к тому, чтобы число

свободных приходов не уменьшалось, а увеличивалось. Все свободные приходы обслуживаются временно прикрепленными из соседних приходов священниками», причем уполномоченные побуждали священников относиться к делу не слишком старательно, «чтобы они меньше проводили службы в прикрепленных приходах и чтобы, по возможности, удовлетворяли потребности верующих только требами»¹⁴.

Интересна история священника из поселка Чаплино Васильковского района А. М. Панского. Он временно обслуживал приход села Копани, который не имел священника с 1953 г. По просьбе прихожан службы в молитвенном доме он проводил один раз в месяц и только по воскресеньям, потому что прихожане просили не приезжать по дням из-за загруженности работой в колхозе. Сам священник, со слов уполномоченного, приход описывал следующим образом: «...приход очень бедный, большинство прихожан из окружающих хуторов, в самом селе Копани верующих очень мало. В зимнее и осеннее время, когда холодно и большая грязь, посещение молитвенного дома очень слабое, за время моего четырехлетнего обслуживания этого прихода, я с 20 января по 15 марта ни один раз не служил, потому что это время холода и грязи и никто в молитвенный дом не идет – служить некому»¹⁵.

В 1962 г. было решено «ударить по карману» священнослужителей путем их перевода на твердые оклады. Теперь вместо повсеместно утвердившейся практики материальной поддержки священников со стороны прихожан путем добровольных взносов в «церковную кружку» и посильной платы за совершение треб всё содержание священника должна была составлять фиксированная зарплата. Все требы должны были оплачиваться верующими по специальным квитанционным книжкам, выдававшимся священникам. Каждая треба совершалась священником только при наличии квитанции, выписанной счетоводом религиозного общества.

К началу 1963 г. на твердые денежные оклады были переведены все епархии Восточной Украины. Скрытой целью введения окладной системы было сокращение количества приходов в епархиях. Экономически слабые храмы были неспособны платить духовенству необходимую зарплату. Оставшись на долгое время без постоянного священника, такие церковные общины были вынуждены прекращать в церкви богослужения, что в конечном итоге приводило к снятию их с регистрации, а церковь – к закрытию. Это прекрасно понимало и приходское духовенство: «...Наряду с переводом священников на оклады была внедрена квитанционная система учета обрядов, где записываются фамилия, имя и отчество лица, совершающего обряд, его место жительства, справки из ЗАГСа при обрядах: крещение, венчание, похороны. Это мероприятие как духовенством, так и прихожанами было встречено настороженно и даже в отдельных случаях враждебно»¹⁶.

В условиях нового витка гонений на церковь и формы приспособления населения и духовенства к нему неизбежно возникла трансформация религиозной обрядности, на что обращает внимание А. Н. Шлихта. По мнению автора, одной из задач власти было превращение церкви в социально изолированный институт, достичь чего планировалось, в том числе и через внедрение новой советской обрядности вместо церковных праздников, что и началось на территории Украины в конце 1962 г. С точки зрения А. Н. Шлихты, религиозная обрядность в Советском государстве по определению являлась формой протеста, так как давала возможность спасти коллективную память и идентичность, с которыми боролся режим на протяжении всего периода своего существования.

Изменения организационного характера вносились в традиционные обрядовые практики. Священники старательно организовывали богослужения, стремясь привлечь в церковь как можно больше людей, и по материалам органов власти, как украинских, так и центральных, видно, что нововведения вносились в самые «популярные» обряды, такие как освящение куличей и крещенское освящение воды. Куличи освящали в больших количествах из-за нехватки действующих церквей и самого духовенства, причем особенно это прослеживалось в городах, куда из сельской местности, где церкви стояли закрытыми, стекалось большое количество верующих.

А. Н. Шлихта замечает, что кроме вышеописанных организационных изменений возникают так называемые «секретные» обряды. Украинские уполномоченные неоднократно указывали на проведение богослужений в закрытых церквях. Таких случаев было много. Так как церковные здания после закрытия не использовались долгие годы, начали проводиться тайные богослужения, в основном накануне больших праздников, таких как Пасха и Рождество. Если это не удавалось сделать, верующие собирались для совместной молитвы в жилых домах и на квартирах. По мнению А. Н. Шлихты, распространение таких обрядов свидетельствовало о том, что закрытие церквей и сокращение количества духовенства не дало того результата, на который рассчитывала власть – население от религии вовсе не отходило, наоборот, на фоне активизации религиозных чувств паствы власти начинали бояться широкого развития сектантства.

Одним из пунктов антирелигиозной хрущевской кампании был запрет любых крещений, кроме крещений младенцев. Однако в 1961 г. уполномоченные по УССР указывали, что именно крещения превращались в самые популярные обряды на Украине: после официального запрета с начала 1960-х гг. количество детей и взрослых, которые крестились, резко возросло. На протяжении следующего десятилетия около половины крещений, совершенных в центральных и восточ-

ных областях Украины, составляли именно такие крещения¹⁷. Крещения все чаще производились коллективно: причина этого крылась не только в нехватке духовенства, но и в желании населения скрыть приверженность к церкви. Причиной особенного беспокойства властей было то, что крещения приурочивались к главным революционным советским праздникам – 1 мая и 7 ноября. А. Н. Шлихта указывает, что священники в индустриальных регионах Восточной Украины и Киева, совершая большое количество крещений в дни советских праздников, выбивались из сил¹⁸. По приведенным автором источникам, обряд крещения в Харькове на праздник 1 мая совершался в таких количествах: в 1953 – 256, в 1954 – 318, в 1955 – 298¹⁹. Уполномоченный Пинчук информировал ЦК КПУ о совершении крещений на праздник 7 мая в церквях крупных городов Восточной Украины: в Харькове – 496, в Ворошиловграде – 226, в Сталине – 400²⁰.

Привязка религиозного обряда к светским праздникам помогала поддерживать символическую связь между церковью и советским обществом. Не меньшее возмущение уполномоченных вызывало то, что с помощью религиозных обрядов хоронят коммунистов. Чаще всего это происходило в Харьковской области. Причем сначала происходила религиозная процессия со священником и церковным хором, потом следовало шествие духового оркестра, что было обязательным элементом гражданской церемонии. Борьба с таким поведением клира и верующих было крайне затруднительно, так как оно происходило не в форме протестных действий и открытого сопротивления, а на уровне повседневности.

Антицерковная политика властей, направленная на развал и ликвидацию церкви как социального института, прежде всего выразилась в попытке лишить Московскую патриархию финансовой базы. Другой стороной этого мероприятия было резкое снижение материального благосостояния приходского духовенства. Бывали случаи, когда доведенные до отчаяния священнослужители психологически не выдерживали. Один из таких случаев описан луганским уполномоченным: «В настоящее время духовенство стало более замкнутым, менее общительным и более раздражительным. Его главное стремление направлено к тому, чтобы добиться от общины установления более высоких окладов. На этой почве священник прихода села Синовое, Новопокровского района, Нестелев В. А., в процессе совершения церковной службы подрался с председателем исполнительного органа, за что оба подверглись аресту на срок от 10 до 15 суток»²¹.

Однако уничтожить церковь и «показать последнего священника по телевизору» не удалось. Еще до отставки главного инициатора антицерковной кампании отчетные доклады союзных и областных уполномоченных были наполнены неутешительными статистическими данными по

поводу итогов проведенной в течение нескольких лет работы: «Высокий процент крещения новорожденных по области – 41,45% и, в частности, по городу Харькову – 55%, не может не вызывать тревогу»²². «Уменьшилось количество религиозных похорон... Однако в 19 областях произошло увеличение религиозного обряда погребения. Так, в Днепропетровской области похоронного церковного обряда возросло с 13,5% до 26,0%»²³. Денежный доход православных общин Украинской ССР в 1962 г., несмотря на сокращение количества религиозных обществ, увеличился. Если в 1961 г. доход церкви в республике составлял 13,7 млн руб., то в 1962 г. – 14,1 млн руб.²⁴ В «послехрущевский» период руководство СДРПЦ приходило к неутешительным выводам. Так, инспектировавшие Днепропетровскую область и деятельность местного уполномоченного сотрудники Совета указывали, что в области произошло резкое сокращение количества церквей: «в течение 1960–1965 гг. в области снято с регистрации 129 религиозных обществ и на 1 января 1966 г. осталось всего 26 действующих православных церквей и молитвенных домов». При этом количество религиозных обрядов осталось неизменным²⁵.

Наряду с религиозной обрядовостью ежегодно росли денежные доходы церквей: в 1960 г., когда в области было 155 православных храмов и молитвенных домов, церковные доходы составили 464 тыс. руб., а в 1965 г. – 705 тыс. руб. Только за 1965 г. церковные доходы выросли на 28 тыс. руб., при наличии оставшихся лишь 26 действующих церквей и молитвенных домов. Все это говорило о том, что, несмотря на сокращение церквей, «верующие не отходят от участия и активно поддерживают церковь также материально»²⁶.

Смена руководства страны, видимо, вселяла некоторые надежды в верующих на смягчение прежнего агрессивного курса: «За последнее время /1965 г./ увеличилось количество верующих, выступающих за возобновление богослужений в закрытых церквях. Среди жалобщиков – рабочие г. Кривой Рог, Днепропетровск, Новомосковск и другие»²⁷. Еще одним, скорее неожиданным, последствием борьбы с православием был рост протестантизма в восточных областях Украины: «В Днепропетровской области насчитывается около шести тысяч человек сектантских общин: баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня»²⁸. Последняя за 1965 г. инспекторская проверка самой «православной» епархии Восточной Украины показала общий результат антицерковной кампании – из 229 православных церквей, действовавших в 1945 г., осталось без регистрации 26²⁹.

Как решение проблемы видели сами уполномоченные? Ставленники В. А. Куроедова, нового главы СДРПЦ, сменили прежних уполномоченных и не считали правильным проводить жесткую политику в отношении церкви. Новые

уполномоченные видели перед собой карьерные перспективы, однако архивные документы иногда демонстрируют их некомпетентность. Например, Голошапов, новый уполномоченный по Ворошиловградской епархии, допускал бездействия: так, он не представил вышестоящему руководству никаких сведений, статистических данных и развернутых оценок о ситуации в жизни подведомственной ему области за 1960 г., и уже после отставки Н. С. Хрущева его деятельность была оценена невысоко – как «поверхностный контроль» за духовенством.

Регулярно встречавшиеся у уполномоченных в восточных областях Украины предложения сократить сеть епархиальных управлений свидетельствуют о том, что уполномоченные не справлялись со своими задачами. Большое количество епархиальных управлений снижало управляемость подведомственными уполномоченным территориями, т. к. приходилось взаимодействовать со многими епископами и епархиальными управлениями. В целом реальность взаимоотношений церкви и государства на местах оказалась куда сложнее «ценных указаний» партии, спускаемых сверху.

Таким образом, на территории Восточной Украины положение приходов во многом зависело не столько от официальных бумаг, публикуемых партией, сколько от субъективного отношения местных органов власти и партийных организаций к церкви. Особую роль играли личные взаимоотношения священников с представителями власти. В ряде случаев, несмотря на официальные запреты партии, богослужение на местах все же проводилось, храмы восстанавливались, а духовенство получало, если не поддержку, то определенное сочувствие. Хрущевская антицерковная реформа привела к тяжелым для церкви последствиям – сокращалось количество приходов, священникам затрудняли доступ к приходским должностям, снижался уровень их материального благополучия.

Помимо православных и католических общин на востоке Украины активны были представители протестантских течений. Немаловажен был субъективный момент – то, что можно обозначить как «сопротивление на уровне повседневности»: епархиальные управления всё делали для того, чтобы церковные структуры сохранились. Приходские священники, несмотря на все запреты, продолжали руководить паствой; верующие не упускали возможность поднять вопрос об открытии закрытых церквей или о ремонте действующих, о поставлении нового священника на пустующий приход. Религиозная обрядность неизменно сохранялась.

Примечания

¹ См.: Марченко А. Н. «Приходская реформа» 1961 г. как вызов единству церкви // XXI Ежегод. богослов. конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та : в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 86.

- 2 См.: *Войналович В. А.* Партийно-государственная политика в отношении религии и религиозных институтов в Украине 1940–1960-х гг.: политологический дискурс. Киев, 2005; *Исиченко И., архиеп.* История Христовой церкви в Украине. М., 2003; История религии в Украине. М., 1999; *Катунин Ю. А.* Православная Церковь Крыма в 1958–1963 гг. // *Культура народов Причерноморья*. 2001. № 22. С. 89–95; *Пащенко В. А.* Православие в новейшей истории Украины. Полтава, 1997.
- 3 См.: *Шлихта А. Н.* «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950–60-е гг.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 3–4. С. 380–407.
- 4 Председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедову на № 131-с от 11.05.1960 // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1791. Л. 4.
- 5 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Днепропетровской области за первое полугодие 1958 года // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 5–6.
- 6 Отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Харьковской области за первое полугодие 1958 года // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1606. Л. 9.
- 7 Там же.
- 8 Отчетно-информационный доклад о положении и деятельности религиозных православных обществ на территории Донецкой области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2089. Л. 5.
- 9 Там же. Л. 6.
- 10 Докладная записка инспектора Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Исаева председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедову // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1798. Л. 6.
- 11 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Луганской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2097. Л. 4.
- 12 Там же.
- 13 Отчетно-информационный доклад о положении и деятельности религиозных православных обществ на территории Донецкой области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2089. Л. 5.
- 14 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Днепропетровской области за второе полугодие 1958 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 17.
- 15 Там же.
- 16 Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Харьковской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2105. Л. 13.
- 17 См.: *Шлихта А. Н.* Указ. соч. С. 395.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 396.
- 20 Там же.
- 21 Отчетно-информационный доклад о работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Луганской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2097. Л. 16.
- 22 Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Харьковской области за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2105. Л. 16.
- 23 Отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по УССР за 1962 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2086. Л. 18.
- 24 Там же.
- 25 Справка по Днепропетровской области зам. Председателя Совета по делам религии при Совете Министров СССР В. Фугова // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 222. Л. 1.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Уполномоченному Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Украинской ССР К. В. Литвину докладная записка по отдельным вопросам религиозной обстановки в Днепропетровской области ст. инспектора Уполномоченного Совета по УССР А. Кецко // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 222. Л. 4.

Образец для цитирования:

Годлевский Н. П. (иеромонах Алексий). Приходы восточно-украинских епархий в системе церковно-государственных отношений в 1958–1965 годах (по материалам отчетов уполномоченных по делам РПЦ) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 315–320. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-315-320.

Cite this article as:

Godlevskiy N. P. (hieromonk Alexey). Parishes of the East-Ukrainian Dioceses in the System of Church-State Relations in 1958–1965 (based on the Materials of the Reports Made by Comissioners for Affairs of the Russian Orthodox Church). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 315–320 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-315-320.